

АННОТАЦИЯ

(согл. ст. 65 ПРАСПУ, в том числе самооценка)

публикаций гл. асс. д-ра Майи Димитровой Кузовой,

представленных для участия в конкурсе на академическую должность „доцент”

Область высшего образования 2. Гуманитарные науки,

профессиональное направление 2.1. Филология (Славянские языки – Синтаксис и стилистика),

конкурс объявлен в Государственной газете, номер 31, от 12 апреля 2019 г., с. 65 / 416.

Области научной квалификации и моих профессиональных интересов – сопоставительное языкознание, сопоставительный синтаксис, разговорный синтаксис, синтаксис и стилистика, языковая экспрессия, лингвокультурология, этнолингвистика, социоллингвистика, лексикология, проблемы перевода (теория и практика).

Для участия в объявленном конкурсе отобраны 1 монография (хабилитационный труд обсужден на расширенном заседании кафедры 15.03.2018 г.) **и 29 статей** в сборниках и периодических изданиях (общее число – **48**). Все они написаны после защиты диссертации и не повторяют материалы предыдущей процедуры. Акценты и научный вклад будут сгруппированы по проблемным сферам, очерченным отобранными здесь работами.

За пределами представленных остаются опубликованные статьи и доклады по проблемам лексикологии, прагматики, культуры речи, лексикографии; рецензии; 4 учебника (используются в обучении студентов-филологов в трех университетах).

I. ХАБИЛИТАЦИОННЫЙ ТРУД – МОНОГРАФИЯ

Парадоксите на експресијата в българския и руския език. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2018, 427 с. Print ISBN 978-619-202-338-6 // Парадоксы экспрессии в болгарском и русском языках

В центре исследования – особое функционирование разнородных языковых единиц, создающих *критическую* маркированность выражения: как эквивалент сильной эмоции, они резко отдаляются от своего прямого значения и от симметрии с партнерами в миниконтексте и конситуации. **Книга является первым сопоставительным монографическим исследованием системных парадоксальных проявлений экспрессии в двух славянских языках** (болгарском и русском) с привлечением данных из английского, французского и немецкого языков. Комплексный анализ специфических эмоциональных реакций и эксцентрической эмотивной оценочности охватывает направления *статика – номинация – потенция – предикация – потенциал – прагматика – динамика*. Иллюстративные данные рассмотрены также в лингвокультурологическом аспекте и в психологическом ракурсе: как характерологические свидетельства речевого выбора, социальной стандартизации и этноспецифики, отражающей национальные стереотипы структурирования мысли.

Введение представляет механизм работы, ключевые понятия и дает общую характеристику темы об **экспрессивной функции языка**, которая наряду с репрезентативной связывает субъект и объект познания. Оговорены охват и неоднозначное толкование использованных терминов: **экспрессия** (признаваемая многоликим и национально специфическим феноменом, который ангажирует множество средств всех языковых уровней с неопределенным числом вариантов для комбинаторики составляющих), **эмоция** (прямым

образом в ответственности за экспрессию, с бесспорно важной ролью в личной и коллективной жизни человека, выражающего себя и воспринимающего других, окружение, мир). *Прикосновение* к эмоциям – настоящий вызов: сами они остаются скрытыми, их выражение часто нечетко или их знаки сливаются. Этот вызов принят – и как компенсация факта, что лингвистиката довольно поздно „осознала“ эмоции как свой предмет. Они являются не только формой оценки среды обитания, но и значительным ее элементом, фрагментом картины мира. Эмоции более или менее субъективны, но все-таки социально осознаны, в определенной степени типизированы, т. е. наиндивидуальны. Серьезные исследовательские трудности вызваны их неуловимостью – недоступные для прямого наблюдения, они стихийны, ассоциативны, образны, редко проявляются в чистом виде, редко выражаются стандартно и, в дополнение, очень динамичны. Тем не менее они универсальны и распознаваемы во всех культурах, пронзают всю ментальную и (а)вербальную деятельность человека, а утверждение, что в языке все приводится в движение ими, давно аксиоматично. Ситуативный выбор языковых средств отражает интенсивность переживаемого, что объясняет прямую связь **эмоций** и эмоциональности с **экспрессивностью**, с озадачивающими выражениями эмоций. В преемственности разделов прослежена и реализация общей категории **градация** – глубоко специфической и в границах одного языка, и в разных языках.

Признана **сложность вопросов** о подборе материала и охвате анализа, об языковых уровнях, обеспечивающих ресурсами и их надстраивании, о полезной и удачной позиции для наблюдения. Ведущей является отправная констатация, что **языковые средства для выражения эмоций в высшей степени метафоричны** (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Экспрессивные маркеры вбирают эмотивность, которая усиливает рациональную оценку, это отключает содержательный потенциал, и номинация, будучи субъективной, покидает свои *реальные* границы: при выражении эмоциональной оценки противоположные аксиологические понятия типично и в противоречии с категорическими предписаниями философской и нормальной человеческой логики, становятся терминологически взаимно определяемыми, свободно заменяют друг друга. Именно эмоция в основе шоковой асимметрии оценочных формаций: *ужасно добър, адски хубаво, страшно щастлив*, в русском *ужасно добрый и красивый, страшно интересно*. Рассмотрена проблема их стилевой принадлежности, важная в плане рассуждений о том, **как употребление меняет слова**.

Обсуждаемые единицы коммуникативно предназначены выразить **оценку** и **степень** в градации и в направлении к пределу. Оценка здесь рассматривается как вид эмоционально-экспрессивной номинации, как концептуальное единство семантики и прагматики, а степень заинтересованности и темпераментности ее субъекта приравнивается к категории **аффективность**.

Рассуждения о тонкой разнице между сущностью и проявлением явления, закономерно отсылают (и в отношении указанных фактов) к рассуждениям о соотношении понятий **энантиосемия** и **амбивалентность**. Алогическая комбинаторика опасно близка к **окказионализму**, т.е. следует учитывать границу между узусом и окказией.

При исследовании аффективного содержания нельзя не коснуться проблем **стиля** и **стилистики**, чьим прямым объектом, по знакомому утверждению Ш. Балли, являются чувства. Узкая связь стилистики и с категорией оценочности. Нами рассмотрены основные расхождения в подходах к стилю и стилистике (объем объекта дефиниции, уровни обобщенности), к

разговорной речи; отмечены *системная свобода спонтанной устной речи* (которая легко вбирает жаргонные единицы и все более экспрессивна), характерология **сленга, молодежного экспрессивного социолекта и идиолекта**.

Своеобразие и разнообразие плана выражения, а также специфика ракурса объясняет воспринятый в работе **разветвленный и концентрический, с чередованием точек зрения, композиционный подход**. Анализы проводились на материале **болгарского и русского языков**. Мы сравнивали два языка, поскольку есть общая для этого основа, сопоставляли их с тем, чтобы разглядеть проявления повторяемости (универсальности).

Разработка следовала объективной логике и естественной последовательности в соответствии с отправными точками. Классификации не являются строго заданными или закрытыми, так как явления исключительно динамичны, противоречивы, переливают одно в другое (с наличием переходных и междинных трансформ). В обособленных **разделах и параграфах** парадоксальная оценочность исследована с чередованием следующих акцентов:

➤ **Контраст**

В **Разделе 1. Экспрессия контраста** определен сочетательный потенциал лексемы и представлена **терминология**. Выделены **типы и подтипы матриц**, которые следуют за динамикой в комбинациях составляющих экспрессивных синтаксем. Очерчены лексический материал для наполнения матриц (в основе и в кванторной позиции), механизмы контрастного сочетания и последствия для общего знака оценки. Специально внимание к рестрикциям и их основаниям. Анализные части проиллюстрированы множеством примеров из двух языков. Первый параграф заканчивается обобщением о сочетательном потенциале маркеров, с отмеченными процессами перенасыщения (**сатиации**) и **регрессии** экспрессивного признака, **семантической генерализации и коннотативного генерирования** экспрессивно-оценочного компонента. Во втором параграфе, **Экспрессивная комбинаторика в динамике**, исследован синтаксический потенциал экспрессивных синтаксем через способность матричных моделей реализоваться в роли оценочного предиката в двусоставной и односоставной структуре.

Раздел 2. Расстояние между *малко* и *много* рассматривает парадоксы в оценке количества / степени: в фокусе – поведение динамично остепененных наречных интенсификаторов количественной стоимости в сочетании с наречиями *малко / чуть* и *много / очень*.

➤ **Повторение**

В **Разделе 3. Экспрессия повторения** акцент на образцах сочетательной редупликации в болгарском и русском языках. В параграфах прослежены плеонастические комбинаторные проявления на словообразовательном уровне (артистические аффиксальные редупликации, полипрефиксация) и лексические излишества.

Раздел 4. Экспрессия устойчивой тавтология посвящен манерному повторению, формирующему устойчивые единицы. К анализу привлечены любопытные фразеосхемы (биноминативные тавтологии), как специализированные формы экспрессивной оценки. Их сопоставление в болгарском и русском языках добавляют общие и частные выводы и о сходствах, и о расхождениях в демонстрированной пристрастности к тактике повторения. В финале раздела ищется (в общем плане) связь исследованных фактов с понятием **языковая реверсивность** и утверждается, что вопреки различиям, аналогия делает возможным признание повторения принципной и удачной для *целей* экспрессии манерой.

➤ **Отрицание**

В Разделе 5. *Не-территория экспрессии* собраны свидетельства специфической *запредельной* степени, расположенной за особой чертой, чье пересечение в вершинной фазе экспрессивной оценки последовано своеобразным **нулированием оценки**. Приближаясь к пику нулирования, положительная оценка проходит фазы *подозрения, неверия*, а семантика кванторов маркирует *неприятие, невозможность* признака.

➤ **Метафорические трансформации**

Раздел 6. **Расстояние между (+) и (-)** систематизирует (в первом параграфе) т. наз. *замаскированную* пейоративность и т. наз. *лицемерие* морфологии, лексики и синтаксиса. Определен потенциал на словообразовательном уровне (непредсказуемый модификационный вариант диминутивов, характерный только для болгарского языка), потенциал лексической и предложенческой метафоры.

➤ **Компрессия и амбивалентность оценочного знака**

Второй параграф Раздела 6. посвящен нечленимым, оценочно-бытийным моделям и моноремным экспрессивно-оценочным фразам-реакциям.

➤ **Прагматические аспекты**

В Разделе 7. **Экспрессия и прагматика**, надстраивая и рассматривая под углом прагматики положения из предыдущих разделов, разбираем их как иллюстрирующие связь языкового знака с человеком и особую актуализацию языковых элементов, обвязанных с речевым актом. Через отношение *потенция v/s потенциал* проанализированы семантические и прагматические пресуппозиции особой комбинаторики. **Во втором параграфе** эксплицированы иллюкативные функции оценочных фраз в трех типах коммуникативного контекста.

➤ **Этноспецифика**

В Разделе 8. **Национальные особенности экспрессии** представлена примерная сопоставительная разработка функционирования пары „нейтральных“ лексем в болгарском и русском языках: это яркое свидетельство зависимого от национального менталитета и традиции экспрессивно-оценочного *поведения*. Детально исследована экспрессивная валентность лексем **ра́бота / дело**. Сравнение „активного слоя“ (Ю. С. Степанов) двух концептов очерчивает разницу и в экспрессивном их потенциале. В болгарском языке эмотивно-оценочное осмысление лексемы **ра́бота** проявляется в широком спектре употреблений: система закодированных ключевых ценностей сквозит в языковых фиксациях, отражающих нормы поведения, социальные стереотипы, национальные приоритеты, этносамосознание и самооценку. Русский концепт гомогенен, более *спокоен* (нейтрален), характерологические в болгарском употреблении здесь абсолютно невозможны или не регистрируются из-за низкой частотности. Номинат концепта намного слабее нагружен ассоциациями, стереотипизацией и эмоцией. Разная метафоризация ядерных лексем приводит к неравноценной реализации их *выбора* в языковой и ментальной парадигме двух наций.

➤ **Целевое функционирование экспрессивных ресурсов**

Устойчивое присутствие языкового ресурса в характерных речевых жанрах является последней проверкой его уместности (успешности). Так как речевая культура, т.е. ее хороший уровень, предполагает и умение строить речь, которая **обеспечивает подходящими средствами и эфикасно свои цели**. Именно устойчивое присутствие специфической оценочности установлено (и подкреплено примерами) в Разделе 9. **Целевая экспрессия**. Параграф

Экспрессия как искомый эффект или *Как создается реклама* доказывает, что схема парадокса играет одну из главных ролей среди знаковых стратегий в создании рекламных текстов. Всем (*до боли*) знакомы крылатые штампы, в которых специально ищется озадачивающий или поражающий эффект контраста, перевернутого оценочного знака. **Второй параграф** рассматривает экспрессивные стратегии в публицистике, в языке печатных и электронных медиа – важно наблюдать за их поведением в социальном контексте, в котором (как и в рекламе) язык – это *действие*, а его средства – *инструмент влияния*.

В **Обобщениях и выводах** компактно представлены управляющие принципы и техники экспрессии; освещена в сопоставлении эмоциональная картина мира, как совокупность эмоциональных представлений, понятий, концептов; как результат оценочной деятельности человеческого сознания. Регулирование внешних и внутренних эмоций зависит и от знания общественных норм культурного поведения, а *способы обращения* с языковым материалом являются индикаторами национального мирозерцания и коммуникативного поведения, отражающих специфику национальной языковой картины мира. В **Заключении** системная алогичность пропущена сквозь призму теорий об языковой эволюции, лингвосинергетики и энтропии. Постановки в этих заключительных частях оцениваем как научный вклад и представим ниже.

ДОСТОИНСТВА И НАУЧНЫЙ ВКЛАД НАХОДИМ:

1. В актуальности работы:

- 1) Рассматриваемые экспрессивные проявления градированного эмоционально-оценочного отношения исключительно распространены в болгарской и русской разговорности. Мнимая или действительная алогичность имеет знаковые масштабы, приобретает характер **устойчивой и набирающей скорость тенденции, заслуживающей внимания.**
- 2) Эмоциональное отношение формализуется трудно и маркировано весьма специфически, но типизируется, проникает в сознание носителей языка, осмысливается, закрепляется тактически, ситуативно крепнет и образует **ресурсные пласты, которые подлежат систематизации.**

2. В очерчивании относительно ясных границ сложного для идентификации явления через аргументацию его специфики:

- 1) Экспрессия охватывает все языковые уровни и имеет много проявлений, а ее носители образуют специализированный корпус, который рамкирован формальной, семантической и функциональной *нетолерантностью*, транспозицией.
- 2) Аспекты особого выражения не всегда исчерпываются употреблением эмотивов, даже не всегда прямым образом с ними обвязаны – в работе выявлены особая формализация эмотивного значения, его функциональная обусловленность, его понятийность и соотнесенность с экспрессивным значением, его индуктивно-прагматический (ассоциативный) компонент.
- 3) Детальный анализ классифицирует характерные ресурсы: очерчены тактики провокативной эмотивной оценочности, разграничены варианты конфликтного

механизма, определены мобилизованные уровни, их функциональный потенциал и контекстная чувствительность.

- 4) Анализ изменяет статус проблемных явлений: это не исключения, а системные нарушения с характером нормы.

3. В определении места общей проблемы в лингвистических исследованиях:

- 1) Имея в виду, что рассматриваемые экспрессивы не единичные случаи, монография заполняет пробел в их исследовании – парадоксальные проявления эпизодически попадают в контекст разных анализов, присутствуют (как любопытные оксюмороны) в частных разработках отдельными своими аспектами, акценты на их стилевой принадлежности, их игровом характере или участии в рекламном тексте. В любом случае они регистрируются несистемно и, в целом, к ним нет специального интереса.
- 2) Авторские соображения в диалоге с чужими: обобщены наблюдения в работах, посвященных конкретным примерам и явлениям разной степени отдаленности между собой или затрагивающих проблемы, прямым образом или косвенно связанные с темой: уменьшительность, метафоричность, проблемы семантики, синтактики, стилистики, лексикографии.
- 3) Библиография включает **297 заглавий**, проработанных и цитированных в монографии. Список показывает широкую теоретическую базу исследования и сам по себе представляет надежный библиографический справочник по общей проблематике.

4. В оригинальности исследовательской модели; в подходах и процедурах анализа и в их комплексности:

- 1) Авторской является модель введения экспрессивных синтаксем в **матрицы**, которые регистрируют ядро *конфликта*: общий оценочный знак и градус эмоции обвязаны с показателями и основы, и маркера. Из-за сложной динамики комплекса *эмотивность, оценка, степень, интенсивность* только подобный подход разрешает привести законченное число вариантов комбинаторики: **20 матриц**. Ведущих комбинаций три, а подтипы отсчитывают полюсные знаки (плюс – минус) ненейтральных позиций. Дополнительные акценты (и сочетательные ограничения) задает морфология матриц.
- 2) Факты представлены в системе и как элементы целого. Нерасчленимость феномена, который одновременно и исключительно многолик, требует внутренних отсылок между разделами: проблемы рассматриваются в контексте более одной точки зрения, а различные ракурсы корреспондируют между собой.
- 3) При целенаправленном изучении вербализации эмоций был учтен сложный комплекс переплетенных категоризационных, семантических, когнитивных, прагматических и культурологических парадигм. Проблемы рассмотрены в контексте теорий о валентности и эмотивной валентности, языкового творчества и языковых аномалий, речевых актов, языковой личности. Данные проверены и как показательные с точки зрения социологии, психологии, этнолингвистики.

5. В систематизации оперативных терминов (и с введением авторской терминологии):

Основная часть собственных (или с оговоренным другим охватом) терминов введены и представлены в разделе *Экспрессия контраста*: авторские **экспрессивная синтаксема и экспрессивная валентность; маркер и квантор, интенсификатор, ограничитель, квалификатор, абстрактор** (разграничиваемые как варианты параметрических определителей).

6. В масштабе доказательственной части и убедительности иллюстративных корпусов:

- 1) Представленные примеры являются небольшой частью рабочих корпусов и имеют доказательственный и иллюстративный характер. Среди источников писательские библиотеки, публицистические тексты, печатная периодика, электронные массмедиа, телевидение, реклама, 5 электронных корпусов, 50 словарей, ресурсы интернета. Велика и доля автентичных сигналов из устной речи: это самая естественная функциональная среда эмоциональных реакций и экспрессивных оценок.
- 2) Обработанные **свыше 1700 единиц** показывают реальную представленность явления, дают представление и об его масштабах.
- 3) Универсальность выводов подкреплена примерами из **английского, французского и немецкого языков**.

7. В постепенном систематизировании обобщений и выводов:

Каждый раздел, в своей относительной обособленности и законченности, *закрывается* этапным обобщением междинных показаний конкретного материала в нем, что обеспечивает плавное надстраивание выводов.

8. В конкретных важных постановках и заключениях:

- 1) Эмоции редко проявляются в чистом виде и редко выражаются стандартно. Аффект может значительно демотивировать знакомые языковые ресурсы (в том числе, эмотивные), отсюда и их употребление, может пренебречь ими, резко их трансформировать или сотворить абсолютно неожиданные побочные эффекты.
- 2) Эмоционально-смысловая доминанта определяет экспрессивность, а между эмоциональными и содержательными компонентами единой смысловой структуры существует обратная зависимость: чем эмоциональнее речевая единица, тем она более особенна, несимметрична, амбивалентна, широкофункциональна, экспрессивна. Формально говоря, в конечном счете она становится и менее информативной, что не уменьшает ее *лингвистичности*, а преобразует ее потенциал.
- 3) Рассматриваемые явления обладают признаками *исключительности*, но не являются собственно периферийными языковыми явлениями. Это речевые средства системного характера, которые успешно выполняют специфическую функцию.
- 4) В своих проявлениях они тесно связаны с градацией, основанной на динамической природе признака, присущего или приписываемого (при оценке) предмету в разной степени. Отношение, сравнение и оценка – это единственные, но с критической надежностью источники градации.
- 5) В экспрессивное поле градации попадают словообразовательные модели (*възширок, възширокичък*), лексические показатели и специальные слова, обозначающие степень

(ужасно, дьявольски // жутко, ужасно, чертовски), накапливающиеся показатели (мнничко попрекалих // самую малость приврал), устойчивые модели (Ама че красавица!; Хубав не, ами хубав! // Хорош советчик!; Ну и ответ!; Тоже мне друг!), средства чужих грамматических категорий (инвентарь категорий число, вид, определенность). Все они могут работать в режиме одновременности; вовлекают в свою сферу и интонацию, порядок слов, повторения.

- 6) Носителями оценочности являются специальные слова, образующие семантический класс субъективных оценок и всю когнитивную зону национального языка. Характерная антонимическая оппозиция эмоционального (*приятный – неприятный*) и логического признака (*хороший – плохой*) подчеркивает их диффузную семантику. Двойная аксиологическая структура обвязана с контекстом, причем это чаще всего относится к единицам с отрицательной семантикой. Положительный знак оценки в *дьявольский* и *убийственный*, бесспорно, парадоксален. Это связано и с наличием дополнительной составляющей: аффективные прилагательные выражают и эмоцию (как основание и результат оценки) автора фразы, т.е. сливаются в единое целое эмоциональную оценку и эмоциональное состояние.
- 7) Шире, в этих проявлениях обнаруживаем доказательство бытия лингвистических антиномий и бесконечного конфликта противоположностей, который проявляется в инновациях и взаимодействии двух соперничающих аспектов языка: когнитивного и эмотивного.
- 8) *Отрепетированные* семантические и функциональные роли копят потенциал, который индуцирует в содержательной структуре мобилизованных средств новые признаки (эмоционально-оценочно-экспрессивные). Системно активированный аффективный элемент становится фрагментом значения и дефинирует новую семантику, нередко противоположную исходной. Непоследовательно это отражено в некоторых словарях.
- 9) Функциональный подход к исследованию лексики может обогащать традиционные классификации. Часть привнесенных коннотаций формируют амбивалентность (остаются динамическими и зависимыми от окружения и контекста), другие фиксируются, определяя более широкие (и стабильные) сочетательные возможности. Кажется, эта валентность должна найти место в лексикографических корпусах, как показательная в энциклопедическом срезе лексемы.
- 10) Рассматриваемые системные проявления расположены не только на социальной оси (жаргон, сленг), но и на урбанистической оси (городская / столичная речь), временной оси (по возрастному признаку) и имеют черты молодежного экспрессивного социолекта.
- 11) Вне сомнения, выбор средств является функцией личностного и речевого характера индивида: динамика идиолекта заложена в комплексной обвязанности с языковым потенциалом (репертуаром) своего носителя, с коммуникативной компетенцией, чередованием языковых выступлений, с импульсивным или сознательным переключением кода. Изменения подчинены языковым или чисто функциональным, прагматическим факторам, которые неизменно находятся и под влиянием новых (или модных) тенденций.
- 12) Активизация эпизодического, его проникновение и распространение в речевой общности проходит через оценку и одобрение коммуникативной и стилистической пригодности. Его принятие последовано целенаправленным (сначала подражательским) употреблением, а

напряженность выбора постепенно ослабевает. После функционального *узаконения*, явление стабилизируется, а с его превращением в стереотип, становится образцом влияния на другие элементы системы. Если процесс пойдет в обратную сторону, форму-претендент отрекают (как неудачную).

9. В показательных финальных обобщениях и выводах:

- 1) Парадокс является основным манером экспрессии. Алогичные сочетания не возникают эпизодически в процессе речи, а подчиняются принципам, поддающимся систематизации.
- 2) Экспрессивно-семантическому опустошению подвержены большинство лексем, входящих в отношения с другими для выражения сильной эмоции и эмоционально ангажированной оценки.
- 3) Обязательным представляется признание реальным „воображение знака“ (Р. Барт) в роли специфического средства выражения оценки и связанной с ней эмоции. Оно оформляет (и в отношении нейтральных языковых единиц) новые системные отношения, новую парадигматику, новую синонимику и антонимику.
- 4) Исследованное явление заявляет повторяемость, воспроизводимость и множественность, что приводит к заключению о системности в антисистеме. Общей чертой современной живой речи является то, что неурядицами не пренебрегают (скорее, их толерируют), это раздвигает границы языковой периферии, которая берет на себя и особую экспрессивную функцию.
- 5) Эмоция и оценка объединяются присущей им (и в отдельности) противоречивостью, они практически всегда взаимосвязаны и взаимозависимы, что дополнительно осложняет (кроме их исследования) саму их фактическую языковую формализацию. Она, чаще всего и условно говоря, **вне** или **ненормативна**.
- 6) Общая характерология системных проявлений является результатом взаимодействия нескольких принципов: **гипербола, контраст, повторение, компрессия, ирония и нулирование**.
- 7) Ведущим следует признать принцип контраста, чья широкая представленность регулируется некоторыми значимыми системными рестрикциями.
- 8) Оцениваемый пейоративный признак имеет обозначенный лексемой предел, оценка предполагает исчерпанность, лимит: *пълен идиот // законченный дурак*. Плюсовая оценка не терпит предела, его показатели прагматически непригодны, особенно стандартные усилители: **пълен красавец // *абсолютно умный*. Позиция обычно остается необслуженной, т.е. немаркированной специализированными кванторами.
- 9) Парабола избыточности искривляется назад и вниз, к пейоративизации и ярким парадоксам: *безумно мъдър, кошмарно хубаво // чудовищно красиво, хорошо до смерти*.
- 10) „Слишком хорошее“ оценивается с уклоном к иронизации и будит сомнение, его сверхвысокая степень „открыта“ (*безкрайно, неземно*), но граничит с неверием и отрицанием (*неописуемо, нереально, невъзможно // невозможно, невероятно, слов нет*). Ограничение не языковое, а прагматическое и существует в представлениях человека: там у положительного признака нет предела (и это пугает).
- 11) Глубоко в корнях экспрессивного оценочного выражения лежат психолингвистические механизмы, которые разрешают, толерируют, ограничивают или блокируют

комбинаторику. Сфера эмоциональной оценочности является частью ценностной картины ментальной жизни человека. В ней то, что не в меру, неестественно.

- 12) У отрицательных эмоций более яркое, более свободное и *бесцеремонное* поведенческое выражение, а принятие и оценивание хорошего сложнее. В языке запечатлено неистребимо боязненное отношение человека к чрезмерности хорошего, которое может сделать его невыносимым: *Толкова беше хубаво, че се плаша...*; *Беше толкова красив, че в него имаше нещо отвратително. // Она была чудовищно красива!*; *Он так здорово играет на рояле, что иногда даже противно...*
- 13) Признаки *хороший – плохой*, оценки *хорошо – плохо*, ситуации *похвала – обида* оппозиционны, но в обеих зонах эмоциональной оценочности работают названные общие принципы. Неизменна экспрессия контражура: пик оценки почти всегда манипулятивен и использует противоположный знак.
- 14) Представители оценочных ресурсов застывают в виде шаблонов, приобретают характер формул с признаками готовых экспрессивных средств. Новые члены следуют моделям, демонстрируют фиксированную экспрессивную валентность и продолжают *традицию* смешения оценочных знаков.
- 15) Своей парадоксальностью рассматриваемые номинации не только не противоречат первой аксиоме коммуникации (они понятны всем), но очевидно считаются и должны быть признаны удачной оценочной манерой.
- 16) Об этом свидетельствует их социальная рефлексивность – они обичайны в сфере повседневности, типично функционируют в рекламе (как категорически неспонтанный жанр), чье чутье удачности стратегий трудно можно недооценивать.
- 17) На прагматическом уровне употребление эмоционально-оценочных и реагирующих словесных знаков, которые часто практически сливаются, мотивируется (не меньше, чем качествами, вызвавшими оценку) психическим состоянием автора, т.е. они всегда эгоцентричны и гиперболичны.

10. В сопоставительном характере наблюдений и заключений (на каждом из ангажированных уровней):

- 1) Анализы доказывают, что рассматриваемые проявления сопоставимы по своей содержательной сущности и сравнимы как системно и функционально соотносительные явления в болгарском и русском языках.
- 2) Сопоставление дает новые идеи поискам, прослеживающим поведение двух языков на деликатной и чувствительной территории экспрессии, где различия и этнопоказательны.
- 3) Оценка относится к интенциональному аспекту языка: там переломление картины мира в сознании человека осложняется длинным рядом факторов. Поэтому исследование закономерностей ее выражения показательны и для установления общей *философии* эмоционального оценивания, и для установления специфики в разных языках.
- 4) Способы соединения понятий оказываются важнее, чем способы их номинации. Эмотивный (значит, и экспрессивный) речевой потенциал языковых ресурсов свидетельствует о национальном темпераменте и является этнокультурным отпечатком этических, эстетических и культурных кодов.

- 5) Наблюдения в целом показывают, что среди сочетаний с аксиологическим содержанием чувствительно больше единиц отрицательной оценочности. И в болгарском, и в русском пейоративные экспрессивно-оценочные пласты значительно богаче и активнее.
- 6) Сравнительные данные указывают на преобладающую и с бóльшим потенциалом пейоративизацию в болгарском языке и на несколько более умеренный облик негативной экспрессивной оценочности в русском языке.

11. В ситуировании хронических экспрессивных алогизмов в общей теории языковой эволюции и в аксиоматике лингвосинергетики и энтропии:

- 1) На фоне категорий, определяемых как универсально немаркированные, оценка универсально маркирована. Она подчиняется первому принципу естественности при кодировании семантических категорий в языке, а в этой связи суть темы можно обобщить следующим образом: **самое естественное для экспрессивной оценочной тактики это быть неестественной.**
- 2) Направление **окказиональность – вариантность (временность) – преобладающая регулярность – последовательность** приводит к системности.
- 3) Идеи **синергетики** и философия нестабильности находят развитие в теории диссипативных структур, к которым отнесены и языковые системы. По отношению к предмету нашего исследования – напряжение и экспрессия эмоциональной фразы производны от неязыковых оснований лабильности и *крепятся* именно на неустойчивости, нестабильности, содержательной амбивалентности.
- 4) Особые факты поддерживают жизненность языковых механизмов непрерывной саморегуляции в моменты неустойчивого состояния, раскрывают поведение системы и выбор других траекторий в поисках устойчивости (и через создание новых формаций).
- 5) Отсюда и связь неустойчивое состояние – **энтропия**, как показатель уровня неустойчивости, неопределенности, хаоса, как мера (бес)порядка в системе.
- 6) Энтропия всегда и на всех уровнях стремится к увеличению. Именно поэтому конфликтные соседства или расхождения формального и функционального знака оценки (свидетельства беспорядка в системе) имеют высокий градус экспрессии. Энтропия фактически является показателем мощи языка приспособляться к потребностям коммуникации. А необходимость выразить эмоцию отключает соответствующий (несимметрический) потенциал в языковых ресурсах.
- 7) Энтропии противодействует **негэнтропия** (отрицательная энтропия, мера организованности системы), причем саморегуляция языка направлена на овладение энтропии, а не на ее уничтожение.
- 8) Из-за незнания детерминированного алгоритма языкового развития иногда поспешно осуждаем временные явления и предпринимаем крутые меры для стандартизации языковых средств, а от подобных реформ языковая система может нести убытки.
- 9) Проверенные и анализаторскими механизмами указанных теорий, итоговые формулировки полностью подтверждают нашу рабочую гипотезу – обособленные разделы (и материал в целом) предоставляют аргументы в пользу **общего вывода**, что выражение пиковой эмоции и эмоциональной оценки (положительной и отрицательной) неизменно неконвенционально, критично, т.е. по сути своей погранично точкам бифуркации.

Флуктуации движатся по кругу, контаминируя + и –, пик „ниже нуля“ и намного удобнее располагается в минусовом оценочном поле.

- 10) Вопреки факту, что интеллект работает в системе различий (где понятие не может одновременно выражать собой и противоположное себе), а лексическое партнерство оказывается на грани нонсенса, деструкции фразы нет – в экспрессивной речи крайне яркие ресурсы являются самыми стабильными и последовательными.
- 11) Парадокс алогичности получает статус стандарта, особой нормы, а парадоксальные фразы – статус членов системы языка.

II. СТАТЬИ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ ОБЛАСТЯМ

II.1. ПУБЛИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ТЕМОЙ ХАБИЛИТАЦИИ

Аннотированные статьи апробируют отдельные идеи и части книги, работа над которой продолжалась много лет. Их тексты являются деталями целого, легли в концепцию и в систему полной разработки. После основательной переработки, их данные включены в монографию, подчинены общей стратегии исследования и снабжены новыми примерами.

II.1.1. ЭКСПРЕССИЯ В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

- **Особые случаи выражения экспрессии в русском и болгарском языках (конкуренция и конфликт между + и –). Сб. научни трудове, посветени на 30-год. юбилей на катедрата по руски език на ШУ “Еп. К. Преславски Русистика 2003. Язык, комуникация, культура, Шумен: УИ „Еп. К. Преславски“, 2003, с. 345-351. Print ISBN 954-577-173-9**

В широком плане представлены общие идеи и первые попытки охватить в приблизительном объеме экспрессивное поведение языковых средств разных уровней. Намечены контуры будущего детального исследования общей проблемы о специфической парадоксальности экспрессии. **Особые экспрессивные стратегии распределены (с переходными зонами) в 5 модулах.**

- **О специфике и лингвистическом статусе фраз-реакций. Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”. Том 39, кн. 1. Филологии, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2001, с. 605-610. ISSN 0861-0029**

Статья исследует статус и функционирование восклицаний, специализированных для быстрой эмоциональной реакции в стандартных, чаще всего оценочных, речевых ситуациях. Они названы **реагирующими фразами** или **фразами-реакциями**, а термин отграничен от более или менее близких возможных его вариантов: он выбран как подходящий вмести широкий круг функционально объединенных явлений. В нашем понимании реагирующие фразы это экспрессивные высказывания, соответствующие *необходимости* спонтанно выразить эмоциональное отношение. Они сильно концентрированы по объему и пренебрегают любыми формальными предписаниями. **Их специфика выявлена на трех уровнях: структурном, семантическом и функциональном.**

- **Парадоксы экспрессии в русском и болгарском языках. Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 41, кн. 1. Филологии, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2003, с. 221-227. Print ISSN 0861-0029**

В статье рассмотрена вызванная эмоцией унификация **на лексическом уровне**: в комплексах с прилагательными и наречиями оценки и степени экспрессивное употребление сближает (до слияния) разнонаправленные семы в содержательной структуре лексем: *хорошо* и *страшно*, *очень* и *чертовски*. Прослежены противоречия между прямым и вторичным значением, функциональные (и семантические) трансформации, тушированные при градации оценки и эмоции. Присутствие причудливых (за счет переносного употребления, эвфемизации, реальной игры слов) объединений в арсенале оценочных средств можно определить как очевидный и естественный факт. В целом *защищено* место ярких эмотивов в современной разговорности: вряд ли можем согласиться, что они засоряют речь нежелательными и неприятными двусмыслицами, т.е. что они настолько грубо экзотичны, что звучат нелепо и неприемлемы.

- **Парадоксы экспрессии (замаскированная пейоративность в болгарском и русском языках).** – В: **Динамика языковых процессов: История и современность (к 75-летию со дня рождения проф. П. Филковой)**, София: Херон Прес, 2004, с. 185-199. Print ISBN 954-580-161-1

Экспрессивное переосмысление закономерно идет в направлении от – к + (лексика, маркированная как негативная, предпочитается в выражении положительных эмоций и чем они сильнее, тем ярче присутствие пейоративных лексем). Поскольку факты недвусмысленно доказывают эту принципиальную склонность к слиянию полюсов, вполне логично намерение поискать и обратное направление, переосмысление от + к –. Рассмотрена морфологическая деривация с модификационными вариантами болгарских уменьшительно-ласкательных суффиксов, способных (при незакрепленности в семантике) создавать и усиливать общую пейоративность. Коннотация русских суффиксов закреплена в системе языка: суффиксы субъективной оценки (оно часть их семантики) обособлены в характерных типах, но употребления, подобные отмеченным в болгарском, им не присущи. В обоих языках характерна активизация чужих по происхождению *плюсовых* формантов. Потенциальными участниками в полюсной комбинаторике являются целые классы прилагательных и наречий с семами высокой степени. Прослежена динамизация семантических переносов через метафоризацию. Установлена связь экспрессии с коммуникативной целью речевых актов и с категорией предложения: налицо специальные конструкции и клишированные обороты, объединенные „формальной ложью“ (конфликтом между *положительной* формой и негативным реальным смыслом). **В итоговом обобщении указано, что переосмысление от + к – непропорционально представлено: оно шире и многообразнее в болгарском языке.**

- **Контрасты и парадоксы на речевата експрессия (за маскираната пейоративност на умалителните суфикси в българския език).** – В: **Поклон пред буквеното слово. Юбилеен сборник в чест на 70-г. на проф. д-р П. Пенев**, Пловдив, 2017, с. 350-359 ISBN 978-619-7312-93-5 // **Контрасты и парадоксы речевой экспрессии (о замаскированной пейоративности уменьшительных суффиксов в болгарском языке)**

Статья рассматривает *критические* функциональные преобразования **диминутивов в болгарском языке**, демонстрирующие национально-специфический прагматический потенциал. Разобраны многообразие, вариативная специфика и внутренняя полифоничность

уменьшительных суффиксов (поэтому закономерен их анализ на уровне речи). Представлены свидетельства их особой негативной оценочности, обособленные в типизированных транспозициях, не замеченных до сих пор исследователями: *Абе момиченце, колко пъти да повтарям! Достатъчно, госпожичке! Внимавай в картинката! Вратленцето (ушичките, ушенцата) ще ти скъсам! Очичките (оценцата) да не съм ти видял! Хубавко (хубавичко) да си (му) правиш сметчица(та)!*

- Языковые выходы экспрессии. Сб. от Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Иновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры* (31.10.- 03.11.2006), Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2007, Том 1, с. 150-156. Print ISBN 978-954-423-409-6
- Оценка и (ее) степень – „философия“ их выражения в русском и болгарском языках. Сб. от XI конгрес на МАПРЯЛ *Мир русского слова и русское слово в мире* (17-22.09.2007, Варна), Том V. *Русский язык в сопоставлении с другими языками. Перевод – взаимодействие языков и культур*, София: Херон Прес, 2007, с. 141-145. Print ISBN 978-954-580-217-1

В двух статьях охвачены в относительной целостности экспрессивные выражения, демонстрирующие совмещение полярной оценочности. Обосновано принципиальное положение, что маркированные оценочные лексемы типично *отстают* от эксплицированного в них знака, проявляя глубоко им присущую склонность к чувствительной асимметрии семантики. Это их свойство можно установить в минимальном контексте. Исключительно удобные (как интенсификаторы) в характерных контекстах, лексемы занимают крайние позиции в условной шкале **степени и интенсивности оцениваемого признака** в тесной связи с выражаемой сильной эмоцией автора оценки. Оговорены их стилистические характеристики и отграничены два больших направления переименования оценочного знака.

- *Адмиративность пейоративности в болгарском и русском языках*. Сб. от Юбилейна международна научна конференция *Русистика: язык, культура, перевод*, СУ „Св. Кл. Охридски“, София: Изток – Запад, 2012, с. 94-100. ISBN 978-619-152-022-0

Акцент на неловких партнерствах *ласкового* маркера с общим пейоративным знаком оценки. Специфика маркеров распределяет их в 7 пунктах, а анализ стартует представлением *нейтральных* интенсификаторов, в том числе полноты, предела: и в болгарском, и в русском они последовательно сопровождают лексемы, называющие негативный признак и избегают позитивной оценочности (эти рестрикции отмечены и в других группах). Парадоксальная сочетаемость рождает и откровенные оксюмороны: **б.** *гениален мръсник, гениална простотия, гениално грозен, феноменално смотан, талантливо тъп*; **р.** *гениальный лентяй, феноменально тупой*. Отграничены аффективные кванторы собственной сопричастности: **б.** *удивително (изумително, впечатляващо, възхитително, трогателно) тъп*; **р.** *удивительный (восхитительный, изумительный) негодяй*. Намечено поведение интенсификаторов *супер, свръх, ултра, хипер, мега // супер, свръх, ултра, гипер, мега*.

- Расстояние между *много* и *мало*: о конфликтной сочетаемости в русском и болгарском языках. Сб. от X Международен Симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретические и*

методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике (8-11.04.2010), Велико Търново: ИВИС, 2011, с. 218-221. Print ISSN 1312-3069

- Оценка количества и/или количество оценки. Сб. Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски”, том 48, кн.1, сб. Б, Филология, Пловдив, 2010, с. 207-213, ISSN 0861-0029

Прослежено поведение интенсификаторов *много / очень* и *малко / чуть*, градирующих позиции **много** и **мало**. Здесь тоже наличествуют контрасты, но *игра* сочетаемости привидна – по сути своей странная, комплексы звучат и употребляются вполне естественно: **р. очень мало, очень немного; слишком, чересчур, весьма, довольно мало; б. много малко, много мъничко; твърде, прекалено, доста малко**. Через сопоставление комбинаторики в антонимических позициях выведены некоторые закономерности. В болгарском нет *широкой* максимализации позиции **много** (срв. с **р. очень много**), для ее выражения бытуют оценочные *твърде* и *прекалено*. Позиция **много** трудно поддается уменьшению, и только в болгарском отмечено удивительное *малко много*. В русском подобная семантика выражается довольно робко. В обоих языках вследствие неудобных соседств часто присутствуют „смягчающие“ суффиксы (в том числе дублированные) для уравнивания: **р. немножко, несколько, чуть, многовато; б. малко множекко**. В отличие от десемантизированных экспрессивов *ужасно, адски*, в кванторах *много / очень* и *малко / чуть* нет экспрессии. Характерологии в сочетаниях с ними однако не занимать, т.е. круг особых употреблений пополняется и за их счет. Материал о наречной интенсификации позиций **много** и **мало** представлен и как часть общей проблемы о соотношении степени признака или количества со степенью причастности и ангажированности при его оценивании.

- Экспрессия устойчивой тавтологии в русском и болгарском языках. Сб. *Русистика 2013. Язык. Коммуникация. Культура* от Международна научна конференция *Русистика XXI века: традиции и перспективы*, Шумен: Химера, 2013, с. 113-122, ISSN 1313-9800

Исследованы разного типа повторы (как основа специфических речевых оборотов). Обособлены корпуса болгарских и русских устойчивых оценочных единиц: **б. Глупак с глупак! Глупак на глупаците! Глупакът си е глупак! Глупак не, ами глупак! р. Дурак дураком! Дурак дураком, а...! Дурак есть дурак!** Параллельные анализы представлены в выводах и об аналогии в двух языках, и о расхождениях в их склонности к повторам. Обоснован потенциал тавтологии, которая далеко не всегда бесполезна или опасна: она может с успехом передавать яркую эмоцию, не снижая качеств речи и не колебля ее точности.

- Экспрессивная валентность лексем *ра́бота / дело* в болгарском и русском языках. Сб. от XI Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание* (3-6.04.2014), Велико Търново: УИ, 2014, с. 186-190. ISSN 1312-3069

В статье обзорно представлен экспрессивный потенциал конкретной пары лексем и сопоставлено их участие в составе оценочных языковых ресурсов болгарского и русского языков. Прослеживается синтагматика существительных **ра́бота** и **дело** с целью определить ее эмоциональную маркированность. В болгарском переосмысление лексемы **ра́бота** охватывает весь спектр оценочных употреблений, что чувствительно расширяет их контекст.

Функциональный облик русской лексики дело намного более симметричен и нейтрален. Очевидны значительные расхождения в ментальном диапазоне метафоризации двух ядерных лексем, что объясняет значительные расхождения в их интенсивности как центры экспрессивной валентности. Вне сомнения, экспрессивный рейтинг болгарской лексики **ра́бота** намного выше.

II.1.2. МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ:

- Плеонастическая экспрессия в русском и болгарском языках. Сб. от Юбилейни Паисиеви четения на ПУ „П. Хилендарски“ (2-3.11.2012). Научни трудове, том 50, кн.1, сб. В, Филология, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2012, с. 319-326. ISSN 0861-0029.
- Артистичные аффиксальные редупликации в болгарском и русском языках. – Болгарская русистика, 2017 / 1, С., 2017, с. 12-22. Print ISSN 0323-9160. Online 1313-3713
- За (поли)префиксацията и артистичните редупликации в българския и руския език. Сб. Русистика сегодня: традиции и перспективы (Юбилейна международна научна конференция, София, 23-25.11.2016), С., 2017, с. 184-193. ISBN 978-954-723-197-9 // О (поли)префиксации и артистических редупликациях в болгарском и русском языках

В охвате большой темы эти детали имеют характер показательной периферии. С выведенным нами принципом **парадокса излишества** прямым образом связано и особое поведение дублированных показателей степени **в пределах слова**, сочетающихся совершенно естественно и с внешним маркером. Наряду с проявлениями внешней валентности, рассмотренная в статьях манера подтверждает характерологию оценочной градации. **Образцы, по нашим наблюдениям, до сих пор не подвергались специальному исследованию как специфические и с общей основой.**

Проанализирована характерная кумуляция однофункциональных показателей – аффиксы дублируют уже эксплицированный или присущий мотивирующей основе слова семантический компонент. Акцентированная сема дополнительно подкрепляется (внешним) квантором, что специфическим образом оттеняет или нюансирует эффект номинации: **б. възкъсичък, малко мъничък (попрехвален, полющен), леко глуповат, малко раничко; р. несколько староватый, чуть приоткрытый, чуть маловато, малость холодноато.** Рассмотрены и глагольные образцы сочетательной редупликации. Двойная префиксация исключительно частотна в болгарском языке. Характерен префикс **по-**: добавляя уменьшительной семантики, он свободно контактует с глаголами с многозначными префиксами, не считаясь с их оттенками. Беспрепятственно может и дублировать их семы, типично, с поддержкой квантора. Это тавтологизирует сочетание, проявляются деликатная усилительная функция и новые вариации уменьшения: **б. малко ме понаболява, леко поприклегна (поподтичва, понагарча), много лекичко се поразмърда (попомести, попритъмня), съвсем мъничко почетох; р. чутьочку пооблысел, чуть-чуть (слегка, легонько, самую малость, чутьочку) приврал (приотстал, приулыбнулся).** Модель последовательно охватывает десятки (много)префиксальных глаголов, а в его рамках наблюдаются любопытные отношения между участниками накопления. Названное нами **кратностью** выражения одинаковой семантики, явление заявляет активность и стабильность. Без наречного маркера неполноты, застывшие в дублетном варианте выражения звучат непривычно – кратные механизмы являются тактическими для маркированной поддержки

ограничения (уменьшения), т.е. тавтология ожидаема и, чаще, обязательна. Из сопоставления двух языков становится ясным, что принцип общ, а отмеченные расхождения – в частотности подмоделей и *пристрастии* к отдельным их вариантам.

II.1.3. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЭКСПРЕССИИ:

- **За предела в изразяването на оценка и степен в българския и руския език. – В: Актуални проблеми на съвременната лингвистика. Юбилеен сборник в чест на проф. д.ф.н. д-р хон. кауза Стефана Димитрова (под ред. на М. Стаменов и И. Панчев). БАН. Институт за БЕ. С: Изд. „Проф. М. Дринов“, 2016, с. 153-159. ISBN 978-954-322-872-0 // О предела в выражении оценки и степени в болгарском и русском языках**
- **О сути парадокса – управляющие принципы и основные техники экспрессии в болгарском и русском языках. – Болгарская русистика, 2018 / 3, С., 2018, с. 5-16. Print ISSN 0323-9160. Online 1313-3713**

Сформулирована специфика своенравной оценочной экспрессии, вызывающей интерес из-за особого места, которое она занимает в современной разговорной коммуникации (и в разных языках). Выведены со статусом модельных (системных) типизация семантических накоплений, переплетение и контраст оценочных знаков. Исследованный корпус примеров в болгарском и русском языках категорически доказывает, что экспрессия по сути своей оригинальна, а алогичные эмоционально-оценочные речевые факты **задают своеобразную новую норму**. Обозначены лежащие в их основе **принципы** (*гипербола, контраст, повторение, компрессия, ирония, нулирование*). Они формируют **ключевые экспрессивные тактики** при выражении сильной эмоции и оценки, утвердившиеся как эмблематические на территории темпераментного общения. Их широкая представленность легализуется во всем пестром охвате, к тому же непрерывно дополняется и переподтверждается, но и регулируется некоторыми значимыми (и системными) рестрикциями.

II.1.4. „СТРАТЕГИЧЕСКАЯ“ ЭКСПРЕССИЯ – ЯЗЫК РЕКЛАМЫ:

- **Экспрессивные речевые стратегии (на материале русской и болгарской телерекламы). Сб. от IX Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного. Новые информационные технологии в лингвистической и методологической науке* (5-8.04. 2006), Велико Търново: Астарта, 2006, с. 216-219. Print ISBN 978-954-350-026-1**

Статья рассматривает тот аспект воздействующей силы рекламы, который связан со стратегическими языковыми предпосылками и ресурсами ее эпатажа. Исследуются механизмы, создающие эффект рекламного текста. Выведен набор *правил* (в том числе и противоречащие норме), обеспечивающих искомый эмоциональный заряд. Следует признать, что реклама является, если не стимулом развития речевой деятельности, то хотя бы тому свидетельством.

II.2. ПУБЛИКАЦИИ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ТЕМОЙ ХАБИЛИТАЦИИ:

II.2.1. СИНТАКСИС. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. БЕЗЛИЧНОСТЬ

- **К вопросу об обязательности и факультативности конкретизаторов в русских безличных предложениях.** Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 32, кн. 1. Филологии, Пловдив, 1994, с. 253-258. Print ISSN 0861-0029

В статье рассматриваются три типа безличных предложений: специфика главного члена и коммуникативные цели задают необходимость в конкретизаторах, что определяет компонентность их структуры. Потребность указать на дополнительный признак зависит от лексической семантики глагола в роли предикативного центра – чем более конкретно действие, которое он обозначает, тем настоятельнее эта нужда. Объясняется как поведение локального конкретизатора, так и его природа: *Потеплело!*; *Затопили печь, и в комнате потеплело*; *Он обрадовался и на душе потеплело*.

- **Смысловая организация одного типа безличных предложений.** Сб. от Юбилейна научна конференция 25 години филологии в ПУ “Паисий Хилендарски” (22-23.10.1998). Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 36, кн.1. Филологии, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 1998, с. 267-274. Print ISSN 0861-0029

На необходимость снизить степень абстракции при моделировании структуры предложения до обеспечения того минимума, который достаточен для его смысловой организации посвящена и эта работа. Анализ класса односоставных структур дает возможность выявить параметры, нужные для их реального функционирования со схемой $V_{гз} Adv_{loc/temp} (N_{2...})$: *Не обошлось без слез. Вышло наоборот. По-русски так водится.* Древнейший отмеченный тип **бысть тако** является образцом для оборотов *Опять пошло сначала. Теперь по всей стране пошло!* Прослежены расширение группы глаголов, модификации их функционирования как вводные, възможности присоединения объектных / субъектных распространителей и местоименных подлежащих, выведение обстоятельственной семантики в придаточное предложение. Рассмотрен и древний трансформ **было не до...**: он образует трехкомпонентные структуры и по-старому маркирован жанровыми и стилистическими ограничениями. В некоторых из следующих работ разобраны последствия *застывания* структуры, что превращает указанные предложения в ресурс для фразеологии.

- **Вопрос о квалификации творительного падежа в безличных предложениях.** Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 33, кн. 1. Филологии, Пловдив: УИ, 1995, с. 131-136. Print ISSN 0204-529X

Разыскивается роль компонента в Тв. п. в выражении семантики „восприятие запаха, веяния, дуновения“: *пахнет сиренью, чем-то этаким особенным, веет прохладой*. Обобщены позиции А. А. Потемни, А. М. Пешковского, Ж. Вейренка, Р. Мразека, Н. Н. Арват, Г. А. Золотовой. В результате анализа варьирующей функции Тв. п. в примерах и в соответствии с лексическими параметрами его позиции, разграничены две его роли. Рассмотрены случаи стилистико-семантического или контекстуального излишества Тв. п., редкие примеры абсолютной самостоятельности глагола, а также компенсаторные механизмы, комплекующие и нюансирующие семантику. И в такой связи прослеживается назначение (в структурной и содержательной целостности) вторичных конкретизаторов. Случаи употребленного в чисто субъектном значении Тв. п. скорее всего редки, а именно интенсивность субъектных качеств (его или распространителей) определяет соотношение с

двусоставными предложениями: оно редко является полным, нередко искажает семантику, часто невозможно.

II.2.2. СИНТАКСИС. ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ

Серию публикаций мы посвятили не до конца выясненному в синтаксисе и фразеологии отношению **безличность – фразеологичность** и в русском, и в болгарском языках (здесь представлены две такие работы):

- **О некоторых типах устойчивых безличных конструкций в русском языке.** Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 34, кн.1. Филологии, Пловдив: УИ, 1996, с. 197-203. Print ISSN 0861-0029

Анализируются экзистенциальные предложения, для чьих отрицательных вариантов с предикативным центром **нет, не было, не будет** выявлена склонность к переходу в устойчивые. Через параллель *положительная – отрицательная форма* прослежены качества субъекта с приписываемой положительной или отрицательной бытийностью и его *затушевание*, прогрессивно ведущее в направлении *безличность → устойчивость*. В генитивной позиции, называющей отрицаемую бытийность, возможны конкретные, абстрактные и одушевленные существительные. Лексическая специфика сильно влияет на интенсивность интересующих нас трансформаций и определяет границы предложения. Общей причиной фразеологизации является типичное употребление конструкций в характерном контексте и с определенным лексическим составом, что дооформляет и *зажимает* их распознаваемый облик до своеобразной *индивидуализации*; это постепенно выводит их за пределы стандартной семантики, целокупно присущей типу, которому они принадлежат. В результате образного или окказионального употребления они могут перестать выражать только основное значение и получают собственные нюансы. Процессы сопровождаются грамматическими и лексическими ограничениями, нарушением парадигматической системности, свойственной свободным сочетаниям, построенным по той же самой синтаксической модели. Ограничения, предписываемые структурно-семантическими факторами, и метафоризация способствуют превращению в устойчивые ряда производных основной модели (*живой нитки нет, лица нет на ком, нет и в помине кого-чего, нет дела кому до кого-чего, кровинки на лице нет, царя нет у кого*), распределенных в 4 семантических группах.

- **Об одном типе фразеологизированных безличных конструкций в русском языке (*под ложечкой сосет, в груди колет*).** Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 35, кн.1. Филологии. Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 1997, с. 251-258. Print ISSN 0861-0029

Внимание сосредоточено на конструкциях, обозначающих психофизическое состояние лица, типа *под ложечкой сосет, в груди колет*, с кратким обзором их исторического развития. В памятниках зарегистрировано ограниченное присутствие оборотов *во рту болит, в голове шумит* (Е. С. Галкина-Федорук, А. М. Смирнова). В свидетельствах XVII века модель уже довольно частотна (В. Е. Ляпунова), облигаторны обстоятельственные лексемы, а класс личных глаголов увеличивается. Все более широкая их представленность после первой трети XIX века отмечена В. И. Борковским; эта активность сохраняется и до сих пор с вовлечением новых личных глаголов: *застучало, оторвалось, щекотало, першило, щемило, выло*,

позеленело, дрогнуло, выскочило, отдает, стреляет. Очевидно, рассматриваемые обороты выходят за пределы минимальной схемы V_{f3s} „классических“ безличных типа *Светает*. Глаголы, образующие их предикативный центр, называют болезненное состояние, конкретизаторы указывают на сферу его распространения. Случаи с отсутствием локального конкретизатора подкрепляют тезис об его обязательности и об устойчивом характере оборота: *Шут с ним! Отлегло...* (свыше 30 единиц присутствуют в специализированных словарях, правомерно включение и других представителей группы). Рассмотрен потенциал тех же глаголов выражать состояние нелица (окружающей среды) – подобные употребления зафиксированы даже как более древние (с XIII-XIV вв.) и, можно предполагать, были образцами для аналогов с семантикой лица. Именно облигаторный компонент проводит распределение и имеет смысловоразличительную функцию, а конструкций, необязанных с одушевленностью, не коснулись процессы фразеологизация. Выводы – в 14 пунктах.

II.2.3. ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА. ПЕЙОРАТИВНОСТЬ

- **Экспрессия некоторых типов русских односоставных предложений с пейоративной семантикой и их болгарские соответствия.** Сб. от V Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков* (Белград – Ниш, 30.05-01.06.2000), Белград: ЧИГОЈА ШТАМПА, 2000, с. 205-210. Print 378.147:808.2(082)

Языковые средства, выражающие эмоцию, глубоко специфичны даже в близкородственных языках: их форма и *сила* неизменно свидетельствуют и о национальном темпераменте. Интересны в таком плане односоставные конструкции с пейоративной семантикой. Как неизолитированное в обоих языках явление, они все-таки имеют ограниченную сферу функционирования и стилистически ярко маркированы. Известно, что в разговорном синтаксисе господствуют особые законы, нормы либерально *предписывают* качества структуры, у которых тоже системные черты. Семантический класс разнороден, а статья включает 7 его представителей: **побудительные формулы** предупреждения и устрашения (*Заткнись! Не в свое дело не лезь! Не пори горячку!*); **определенно-личные предложения**, соотносимые с планом будущего и содержащие эксплицитированную грубую угрозу (*Уши оборву! Шею сверну! Шкуру с тебя спущу!*); **инфинитивные предложения** и **предложения с транспозитивным императивом** с семантикой клятвенных (*обещательных*) заверений (*Провалиться мне сквозь землю! Лопни мои глаза! Холера меня возьми!*); **собственно проклятия** (и некоторые личные варианты) (*Чтоб тебе повылазило! Чтоб тебя разорвало! Леший тебя возьми! Разрази тебя гром!*); псевдоположительные варианты оборота *кому* **не до чего-кого-л.** с семантикой „безразличие, равнодушие“ (*Мне до лампочки! Хоть бы хны!*); **номинативные оценки** (*Болван! Сволочь! Бред! Тоска зеленая!*); **фразеологизированные конструкции**, употребляемые как обобщающие восклицания (*Хоть лопни! Хоть караул кричи! Хоть головой об стену бейся!*). Сопоставлена ситуация в русском и болгарском, а в отношении причин наблюдаемой асимметрии предложены авторские гипотезы.

- **Предложения-проклятия в русском и болгарском языках.** Сб. Научни трудове на ПУ “П. Хилендарски”, том 38, кн.1. Филологии, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2000, с. 209-216. ISSN 0861-0029

Объектом анализа являются проклятия и некоторые близкие устойчивые архаические клише. Прослеживается динамика их функционирования в двух родственных лингвистических и социокультурных традициях. Откровенные проклятия, как вербальные компоненты множества обрядно-магических систем, занимают серьезное место в числе кратких произведений народной словесности. **В русском языке** налицо классическая формульная структура: односоставные предложения в ирреальном наклонении (чаще всего безличные и инфинитивные), потерявшие связь с исходным типом и приобретшие непроницаемость структуры. Это компрессированные *закрытые* предложения, вставки в которые невозможны. Выявлена их общая „философия“: характерная для мифологического прошлого направленность на метафизические проблемы жизни и смерти; образ болезни и ее перевоплощений; природные стихии, как наказания свыше. Семантическая структура организована узким и сравнительно устойчивым кругом слов. **В болгарском** бесспорно преобладают двусоставные предложения. Они охватывают широкий спектр „возмездий“, а народное воображение рисует конкретные зловещие ситуации: чередуются представления о сверхъестественном, всплывают мифические образы и персонажи, вовлечены южнославянские тотемы (*змея, змей, хала, ламя*), обычайны отсылки к обрядам и суевериям, к бытовым моментам, ярко присутствует культовое чувство рода и семьи. Хранятся устаревшая лексика, неактивные формы, фольклорные приемы (тавтология и постоянные эпитеты усиливают воображаемую мощь сказанного). В обоих языках, наряду с образцами, включающими специальные в **акте проклятия** средства, налицо иллюстрации слияния высказывания и действия, превращающиеся в эквиваленты: *Я тебя проклинаю! // Проклинаю те!* Чистый перформатив осуществляющего типа изолирован, но очень показателен. Глаголы, манифестирующие укоризненные коммуникативные цели, трудно допускают перформативное употребление, но именно в перформативе язык реализует функцию, близкую к ритуальной, магической.

В обоих языках самыми устойчивыми во времени оказываются проклятия с самой общей семантикой (**р.** *Чтоб тебе не сдобровать! Катись ко всем чертям! Дуй тебя горой!*; **б.** *Хаир (добро, бял ден) да не видиш!, Върви по дяволите! Мътните да те вземат!*), но изменение общественного контекста привело к деактуализации и потере их архаической фольклорно-религиозной образности. Отдаляясь от своих корней, проклятия приобретают вид обычных злостных восклицаний. Намечены их современные модификации в клятвенные уверения и общие эмотивы: **р.** *Не сойти мне с этого места! (Да) отсохни у меня язык, если...;* **б.** *Да не мръдна от мястото си! Гръм да ме удари, ако...* **Итоговые постановки опираются на полном сопоставлении ситуации в русском и болгарском – расхождения совсем конкретны и оцениваются как очень существенные.** Они являются результатом расхождений в духовной традиции, проектируются духом, темпераментом, целокупной психикой, ценностной системой двух народов. В этом смысле проклятия определены и как **национально-специфические** устойчивые формулы общения в определенной тональности.

- **Русские и болгарские псевдопроклятия (заметки о трансформации образности).** – *Русский язык за рубежом*, 2002, № 4, Санкт Петербург: Златоуст, 2002, с. 28-33. Print ISSN 0131-615X <http://gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr2002-04/28_416>

Исследуются два типа негативных восклицаний: как особый языковой феномен, они близки к собственно проклятиям; находясь в их периферии, они рассматриваются и в их контексте. Несколько условно мы их назвали **псевдопроклятиями**: **р.** *Будь я проклят! Пропади оно пропадом! К черту!*; **б.** *Господ да ме убие! Пусто да остане! По дяволите!* Примерами очерчен арсенал проклятий, а также видимые принципиальные расхождения между русской и болгарской манерой в их основе. На таком фоне выводится другая семантика и новое употребление их псевдоаналогов. Псевдопроклятия наследуют форму самых общих проклятий, но банализируются, а сила их внушений несравненно слабее. В прагматической динамике настоящего они актуальны в условиях нейтрализованного контекста, они активны, но их семантика *смещена*; они отдаляются и от устойчивых вариантов угрозы и представляют собой общеэкспрессивные реакции на все и всех: **р.** *Ну его в болото! Черт поберу! Черти что! Анафема!*; **б.** *Дявол да го вземе! По дяволите! Проклятие! Да му се не види! Мътните го взели!* Иной является специфика **второй группы**: второй родственный вариант формально ближе к проклятиям, но содержательно это всего лишь *капризно-кокетливая* их разновидность с новым адресатом. Сюда попадают фразеологизированные: **р.** *Лопни мои глаза! Отсохни у меня язык! Побей меня бог! Да разразят меня силы небесные! Будь я проклят, если не сдержу обещания!*; **б.** *Вдън земя да потъна! Гръм да ме удари! Ръцете да ми изсъхнат! Проклет да съм! Да пукна, ако лъжа.* Чтобы определить статус подобных экспрессивов, надо оценить их назначение, чисто лингвистические особенности, (оттуда и) границы их функционирования: как автономные восклицания или как экспрессивно-усилительные формы в составе предложения. Они направлены *вовнутрь*, к самому себе, что *переворачивает злость* в их семантике: клятвенные формулы превантивно его отрекают, обещая добро, заверяя в истинности и в искренности (конкретная семантика туширована за счет чистой эмоции).

II.2.4. ПАРАЛИНГВИСТИКА

- **Паралингвистические средства в выражении пейоративной семантики // Русский язык (проблемы истории, теории и методики преподавания). Сб. с научни трудове, посветени на 30-годишнината на ШУ и 120-г. на педагогическото образование в Шумен. Шумен: УИ „Еп. К. Преславски“, 2002, с. 187-197. Print ISBN 954-577-134-8**

В статье коротко представлены охват термина **паралингвистика** и ход изучения паралингвистических средств. Интерес к ним особенно активен в настоящий момент: современная лингвистика немыслима в изолированной самодостаточности и вмещает в себя элементы других наук, чьи проблемы сближаются. Нарастает любопытство к неязыковому в языке, к неязыковым знаковым кодам, растет стремление понять все то *дополнительное*, что регулирует общение. Преувеличенным выглядит утверждение, что все паралингвистические средства передают информацию, хотя бесспорно, что речь, лишенная их, не имеет видимости естественной. С другой стороны, паралингвистика может быть не менее информативной, чем непосредственное сообщение. Специально рассмотрено *окружение эмоциональной речи* (скорее невозможной без жестикуляции, например), а анализы свидетельствуют, что негативная эмоция дополнительно отягощает общение, и это отражается на всех его уровнях. Конкретны постановки о пейоративных реакциях, как *экспрессивные коды эмоции*. Прагматически мотивированные реагирующие фразы предельно коротки, имеют облик

произвольных структурных деталей (дооформленных интонацией), соответствующих компрессированной эмоциональной энергии. Она *выливается* в ряд кинетических явлений, комплекующих речевой акт: **р.** *Да ну их!*; **б.** *Красавици! Да, бе, да!* Через неконстантные, но стереотипные интонационные варианты восклицания способны передавать широкий круг оттенков (удивления, возмущения, презрения). При всей непредсказуемости своего реального воплощения, они объединяются яркой экспрессией, а разграничению смыслов способствуют сопутствующие им паралингвистические средства. Отмечены случаи их обязательности (**р.** *Он немножко того...* или *Он во!*; **б.** *Той е малко така...*) и возможной самодостаточности (действия *наплеватьство*, болг. *пустосване* или жесты-слова). В рамках низкого стилевого регистра выбор средств определяется не столько реальной ситуацией, сколько другими факторами. В обобщающей части обдуманы вопросы об обратно-пропорциональной зависимости „количество паралингвистических знаков / тон (стиль) общение“, о связи их употребления с субъектом речи, (его) речевой культурой, характером, темпераментом, социальным статусом, возрастом. Не на последнем месте и с национальной принадлежностью.

II.2.5. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

- **Проявления национальной специфики на синтаксическом уровне.** Сб. от VIII Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века*, Велико Търново: УИ, 2002, с. 398-402. Print ISBN 954-775-151-4
- **О национально маркированном в русском и болгарском синтаксисе.** Сб. от Юбилейни Паисиеви четения на ПУ „П. Хилендарски“, Том 40, кн.1. Филологии, Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2002, с. 253-261. Print ISSN 0861-0029

Проявления *различного* познаются в сопоставлении: сопоставление дает возможность наблюдать два национальных мира, которые воспринимают окружающее по-своему и формально „демонстрируют“ себя своеобразно. Национальную специфику можно найти не только в специфике системы именования реальных предметов и явлений, т.е. на уровне вербальной интерпретации, но и на уровне их вербальной организации, которая может показаться чужой не слуху, а духу иной, характерной для другого этноса. **Следовательно специфику можно искать и на уровне оценки оснований выбора языковых структур и национально детерминированных предпочтаний в комбинаторике ресурсов.**

В двух статьях рассмотрены параллельные выборы структур, которые показывают принципиальное расхождение в стереотипах, созданных двумя точками зрения: по-разному моделируется соотношение макро- / микромир; содержательно различны денотативные модели по типам предикатов; не совпадают концептосферы, отражающиеся в пристрастности к особым категориям; не совпадают тип мышления, национальные доминанты и приоритеты, которые *нагружают* неравномерно различные языковые элементы и формации. Примеры по пунктам очень показательны, а в целом они по-новому и намного более убедительны.

С целью выследить национально маркированное в русском и болгарском синтаксисе и не углубляясь во множество частных (не менее показательных) случаев, мы рассмотрели большие синтаксические классы, очерчивающие серьезные расхождения. Напр., внушительные корпуса безличных предложений, характерологически присущих русскому

национальному духу, воспринимающему многие окружающие явления как неподвластные стихии: срв. **р.** *С крыши потекло. Рекой унесло мост.* и **б.** *Покривът протече. Водата отнесе моста* (тем более, типичные безличные структуры возникли именно на русской почве, причем довольно поздно). Нарастание безличности – исторический процесс, протекающий в сфере семантики и связанный с процессом осмысления действительности в проблемных ситуациях. Очевидно, язык очень гибко и через разнообразие синтаксических структур следует за изгибами мысли, в соответствии с которой представляет одну и ту же ситуацию компактно или расчлененно, энергично или вяло, статично. Варианты повторяют настрой ума и учитывают место человека в происходящем. Своими активными коннотативными возможностями привлекает интерес категория лица в целом; ее потенциал тоже знаковый. Любопытны в сопоставительном плане синтаксические манеры выражения другой концептуальной в русском языке категории – неопределенность. Показательна в широком плане оппозиция *односоставность – двусоставность*. Адекватно общей ментальности предстает и организация языковых средств в эмоциональной сфере. Очень яркими являются данные анализов пейоративных языковых ресурсов. Закономерности в духе всего сказанного можно найти в языке массмедиа (там видны возможные инновации и актуальные процессы, тоже важные для перспектив сопоставлений). Описания национальной специфики, отраженной в синтаксических кодах, прослеживают национальную логику в выборе предпочтительных структур и приближают нас к разрешению сложных ситуаций, когда говорим: *Грамматически все правильно, но... так не скажут!*

май 2019
гр. Пловдив

Изготвил:
(гл. ас. д-р Майя Кузова)